

Джон Стейнбек

Вожак

Была суббота. Билли Бак подгребал остатки пожухлого сена и маленькими вилами перекидывал его через проволочный забор – там лениво паслись несколько коров. Высоко в воздухе мартовский ветер гнал на восток небольшие облачка, напоминавшие клубы дыма после выстрела пушки. Слышно было, как ветер шуршит в кустарнике на гребнях гор, но дуновение его не проникало в лощину, где лежало ранчо.

Из дома, жуя толстый кусок хлеба с маслом, вышел маленький Джоди. Увидел, как Билли управляется с остатками скирды, и затопал вниз, тяжело шаркая ногами – именно так, как ему было не велено: не выдержат никакие подметки. Когда Джоди проходил мимо черного кипариса, из листвы выпорхнула стайка белых голубей, они полетали вокруг дерева и снова сели. Из-под крыльца сарая выпрыгнула несмышленная молодая кошка в черно-желтых пятнах, кинулась на негнущихся лапах через дорогу, крутнулась волчком и кинулась назад. Джоди поднял с земли камень – поддержать игру, но кошка уже скрылась под крыльцом. Он швырнул камень в кипарис и спугнул белых голубей – они снова взметнулись в воздух.

Возле жалких остатков скирды мальчик остановился и оперся на забор.

– Думаешь, больше сена нет? – спросил он.

Немолодой уже работник, тщательно подгребавший сено, воткнул вилы в землю. Снял черную шляпу, пригладил волосы.

– Если что и осталось, насквозь отсырело – земля-то влажная, – пояснил он. Снова надел шляпу и потер свои сухие кожистые руки.

– Мышей, наверное, пруд пруди, – предположил Джоди.

– Так и снуют, – подтвердил Билли. – Так и мельтешат.

– А можно, когда закончишь, я приведу собак – поохотиться на мышей?

– Чего же нельзя, – согласился Билли Бак. Он поддел вилами влажное слетавшееся сено – с самой земли – и подбросил в воздух. Тотчас наружу выскочили три мыши и снова принялись яростно зарываться в сено.

Джоди удовлетворенно вздохнул. Эти пухлые, скользкие, наглые мыши обречены. Восемь месяцев они жили под скирдой и размножались. И жили припеваючи – там их не достанут ни кошки, ни калканы, ни яды, ни Джоди. Беды ждать неоткуда – вот и заелись, разжирели, расплодились. Но теперь им крышка, на этом свете им не прожить и дня.

Билли взглянул на вершины гор, окружавших ранчо.

– Может, прежде спросишь отца? – сказал он.

– А где он? Сейчас спрошу.

– После обеда поскакал на верхнее ранчо. Скоро вернется.

Джоди навалился на заборный столб.

– Да отцу, небось, все равно.

Снова взявшись за вилы, Билли зловеще пробормотал:

– Лучше спроси. Сам знаешь, какой он.

Что верно, то верно. Его отец, Карл Тифлин, требовал: все дела на ранчо, даже самые пустяковые, должны делаться с его ведома. Джоди стал сползать вдоль столба, пока не очутился на земле. Взглянул на гонимые ветром дымчатые клубочки облаков.

– Дождь будет, Билли?

– Может, и будет. Ветер для дождя подходящий, только не очень сильный.

– Главное, чтобы не начало лить, пока я не укуошу этих чертовых мышей.

Он через плечо взглянул на Билли – заметил ли тот, как Джоди выругался по-взрослому? Но Билли молча продолжал работать.

Джоди отвернулся и уставился на склон горы – по нему в их лощину спускалась дорога из внешнего мира. Гору омывало жалкое мартовское солнце. Среди кустов полыни цвели чертополох, люпин, изредка встречались маки. Посреди склона Джоди увидел их черного пса, Боя, он пытался разрыть беличью норку. Сначала греб передними лапами, потом принялся отшвыривать комья между задних, при этом вгрызался в землю с таким рвением, что приходилось диву даваться: неужто он не знает, что разрывать беличью норку – дело бесполезное, ни один пес еще не поймал белку таким способом.

Внезапно черный пес замер, отпрянул от норки и повернул морду наверх, в сторону расщелины в горе, из которой вытекала дорога. Глянул туда и Джоди. На фоне бледного неба на мгновение возник силуэт Карла Тифлина в седле, потом отец поскакал по дороге к дому. В руке он держал что-то белое.

Мальчик вскочил на ноги.

– Он везет письмо! – воскликнул Джоди. И заспешил к дому – может, письмо будут читать вслух, значит, надо быть там. К дому он поспел раньше отца и забежал внутрь. Вскоре услышал: Карл слезает со скрипучего седла, шлепает лошадь по боку – пусть идет в конюшню, там Билли ее расседлает и выгонит попасись.

Джоди вбежал в кухню.

– Письмо пришло! – крикнул он.

Мать подняла голову от сковородки с фасолью.

– Где оно?

– У отца. Я сам видел у него в руке.

Тут Карл вошел в кухню, и мать спросила:

– От кого письмо, Карл?

Он сразу нахмурился.

– С чего ты взяла, что пришло письмо?

Она кивнула на сына.

– Джоди доложил, шишка на ровном месте.

Джоди смутился.

Отец с презрением взглянул на него.

– Правда что шишка на ровном месте, – сказал он. – До всего ему есть дело, кроме того, что с него спрашивают. Во все сует свой длинный нос.

Миссис Тифлин чуть смягчилась.

– Ему сейчас заняться особенно нечем. От кого письмо?

Карл все еще хмуро смотрел на Джоди.

– Я найду ему занятие, если не образумится. – Он протянул письмо. – Кажется, от твоего отца.

Миссис Тифлин вытащила из головы шпильку и вскрыла конверт. Рассудительно поджала губы. Глаза ее забегали по строчкам.

– Он пишет, – стала переводить она, – что приедет в субботу и немного у нас погостит. Так сегодня и есть суббота! Видно, письмо застряло в дороге. – Она взглянула на штемпель. – Отправлено позавчера. Значит, прибыть ему положено вчера. – Она вопросительно посмотрела на мужа, и лицо ее потемнело от гнева. – Что ты надулся? Он приезжает не так часто.

Карл не выдержал ее гневного взгляда, отвел глаза. Почти всегда он бывал с ней суров, но стоило ей выйти из себя, он не смел ей перечить.

– В чем дело? – решительно спросила она.

В его объяснении послышались извиняющиеся нотки – таким тоном отвечал бы и сам Джоди.

– Просто он все время говорит, – запинаясь, промямлил Карл. – Все время говорит.

– И что? Ты и сам горазд поговорить.

– Ясное дело. Но твой отец всегда говорит об одном и том же.

– Об индейцах! – взволнованно вмешался Джоди. – И о караване с востока на запад!

Карл свирепо глянул на него.

– А ну шагом марш отсюда, мистер шишка на ровном месте! Быстро! Шагом марш!

Несчастный Джоди вышел через кухню и закрыл дверь с сеткой как можно тише. Под кухонным окном его устыженные, опущенные к земле глаза наткнулись на камешек любопытной формы, такой замечательный, что Джоди сел на корточки, подобрал его и принялся вертеть в руках.

Через открытое окно голоса доносились до него ясно и четко.

– Джоди прав, черт возьми, – услышал он голос отца. – Только и разговоров, что об индейцах и о караване с востока на запад. Про то, как у них увели лошадей, я слышал тысячу раз. Говорит, будто заведенный, и все повторяет слово в слово.

Когда заговорила миссис Тифлин, сидевший под окном Джоди перестал изучать камень и поднял голову – настолько этот голос изменился. Он стал нежным, увещевающим. Джоди знал, что под стать голосу изменилось и выражение ее лица. Она спокойно сказала:

– Карл, посмотри на это с другой стороны. В жизни отца это было целое событие. Он вел караван повозок к океану, через всю страну, но когда они добрались до места, жизнь его лишилась смысла. Конечно, он сделал большое дело, да длилось оно не долго. Пойми, – продолжала она, – он был как бы рожден для этого, но вот дело сделано, и что ему осталось – только воспоминания, вот он и думает об этом, говорит. Он бы пошел дальше на запад, было бы куда. Сам мне говорил. Но дальше идти некуда – впереди океан. Там он и живет – прямо на берегу, в том месте, где они остановились на ночлег.

И она поймала Карла, опутала своим нежным тоном.

– Да, я тоже замечал, – негромко согласился он. – Спустится к воде и смотрит на запад, за океан. – Голос его чуть дрогнул. – А потом идет в клуб «Лошадиная подкова», в Пасифик-Гров, и давай рассказывать, как индейцы угнали у них лошадей.

Она еще раз попыталась поймать мужа.

– Понимаешь, для него в этом – вся жизнь. Ты уж потерпи, сделай вид, что слушаешь.

Карл раздраженно отвернулся.

– Ну, если будет совсем худо, я всегда могу уйти в сарай и посидеть с Билли, – сердито ответил он. Прошел через дом и вышел на улицу, хлопнув входной дверью.

Джоди вспомнил о своих обязанностях. Высыпал цыплятам зерно, даже не стал их гонять, как частенько бывало. Выбрал из соломы яйца. В два приема натащил в дом дров и так ловко разложил их в коробе, что, казалось, заполнил его с верхом.

Мать тем временем кончила варить фасоль. Пошевелила головешки в огне, смела индюшачьим крылом мусор с плиты. Джоди искоса поглядывал на нее – еще сердито.

– Он приедет сегодня? – решился Джоди.

– В письме сказано, что да.

– Может, я выйду на дорогу, встречу его?

Миссис Тифлин звякнула печной заслонкой.

– Было бы неплохо, – сказала она. – Отцу, наверное будет приятно, если его встретят.

– Раз так, надо пойти.

Во дворе Джоди резким присвистом позвал собак.

– Пошли на гору, – велел он. Два пса махнули хвостами и помчались вперед. Полынь вдоль дороги дала свежие нежные ростки. Джоди сорвал несколько стебельков, растер их пальцами, и воздух наполнился резким запахом диких трав. Собаки внезапно нырнули в кусты – учуяли кролика. Больше Джоди их не видел – кролик оказался проворнее, и собаки, устыдившись, поплелись прямо домой.

Джоди продолжал взбираться на гору, к вершине хребта. У небольшой расщелины, через которую тянулась дорога, на него накинута дневной ветер, взъерошил ему волосы, парусом вздул рубашку. Он глянул вниз на холмы и кряжи, потом в другую сторону, на огромную

зеленую чашу долины Салинас. Вдалеке виднелся беленький равнинный городок Салинас, в лучах слабеющего солнца поблескивали оконные стекла. Прямо под Джоди на ветвях дуба проводило свой конгресс воронье. Дерево было черно от ворон, все они каркали одновременно.

От хребта, на котором стоял Джоди, взгляд его последовал за проселочной дорогой вниз, потерял ее за холмом и снова нашел по другую его сторону. И вот на этом дальнем отрезке дороги он увидел: ломовая лошадь медленно тащит повозку. Скоро она исчезла за холмом. Джоди уселся на землю и вперился взглядом в точку, где повозка должна была вынырнуть. Ветер пел на вершинах холмов, дымчатые клубочки облаков быстро неслись на восток.

Наконец повозка появилась в поле зрения и остановилась. Одетый в черное мужчина слез с сиденья и подошел к голове лошади. Хотя расстояние было очень большое, Джоди понял: человек отстегнул упряжь, потому что голова лошади качнулась вниз. Лошадь пошла вперед, вверх по холму, а человек медленно двинулся за ней. Испустив радостный клич, Джоди сверху побежал им навстречу. Вдоль дороги скакали белки, калифорнийская кукушка крутнула хвостом, взмыла над краем холма и поплыла по воздуху, словно планер.

Шагая, Джоди старался угодить в середину собственной тени. Под ногу ему попался кругляш, Джоди поскользнулся на нем и упал. Вскочил, добежал до поворота – и там, немного впереди, был дедушка со своей повозкой. Джоди тотчас сбавил скорость – вроде бежать сейчас неловко – и приблизился к дедушке солидной походкой.

Лошадь едва тащилась вверх по холму, старик шел рядом. Солнце уже садилось, и их гигантские тени мелькали за ними. На дедушке был черный костюм из плотной блестящей ткани, высокие ботинки с эластичными вставками по бокам, к короткому, жесткому воротничку прицеплен черный галстук. В руке он держал черную шляпу с широкими загнутыми вниз полями. Седая борода его была коротко подстрижена, а седые брови нависали над глазами, будто усы. В голубых глазах застыло строгое веселье. Все лицо и фигура были словно высечены из гранита – само достоинство, каждое движение казалось чем-то сверхъестественным. Стоит дедушке остановиться, подумал Джоди, и он превратится в камень, никогда уже не стронется с места. Ступал он медленно, но твердо. Если шаг делался, он делался окончательно: если направление было выбрано, тропа уже никуда не сворачивала, а шаг не убыстрялся и не замедлялся.

Когда Джоди появился из-за поворота, дедушка медленно помахал шляпой в знак приветствия и воскликнул:

– Это же Джоди! Вышел меня встретить, да?

Джоди бочком приблизился, повернулся и зашагал рядом со стариком, стараясь не спешить, сам весь напрягся и чуть приволакивал ноги, скребя каблуками дорогу.

– Да, сэр, – ответил он. – Ваше письмо пришло только сегодня.

– А должно было вчера, – заметил дедушка. – Конечно, вчера. Ну, как там наши?

– Все хорошо, сэр. – Джоди задумался, потом робко добавил: – Не хотите завтра пойти поохотиться на мышей, сэр?

– Поохотиться на мышей? – Дедушка хмыкнул. – Неужто ваше поколение докатилось до того, что охотится на мышей? Понятно, вы новая поросль, народ хлипковатый, но охотиться на мышей – это уж слишком.

– Нет, сэр. Это просто игра. Убрали скирду сена. Я буду выгонять из-под земли мышей, собакам на забаву. А вы можете посмотреть или немножко сено покидать.

Строгие веселые глаза глянули вниз на Джоди.

– Понятно. Значит, есть их ты не собираешься. До этого дело еще не дошло.

– Их съедят собаки, сэр, – объяснил Джоди. – Наверное, это не то, что охота на индейцев.

– Пожалуй, хотя потом, когда охотиться на индейцев взялись войска, принялись убивать детей и поджигать вигвамы, это уже мало отличалось от твоей мышинной охоты.

Они выбрались на перевал и зашагали в лощину, к ранчо, и солнце перестало светить им в спины.

– Ты вырос, – сказал дедушка. – По-моему, почти на целый дюйм.

– Больше, – похвастался Джоди. – Мой рост на двери отмечают, я больше чем на дюйм вырос только со Дня благодарения.

Густым горловым голосом дедушка сказал:

– Должно быть, пьешь воду без меры, вот все и идет в стебель. Начнешь цвести, тогда и поглядим.

Джоди быстро взглянул на старика – обижаться или нет? – но в голубых пронизательных глазах не было намерения обидеть, как-то уколоть, поставить на место.

– Можно забить свинью, – предложил Джоди.

– Э, нет! Этого я тебе не позволю. Ты просто хочешь меня потешить. Сейчас не время колоть свиней, сам знаешь.

– Вы помните Райли, сэр, здорового кабана?

– Да, Райли я помню очень хорошо.

– Так вот, Райли проел дыру в этой самой скирде, она на него рухнула, и он задохнулся.

– Со свиньями такое бывает, – заметил дедушка.

– Райли был хороший, сэр, для кабана. Я иногда на нем катался, он мне позволял.

Они уже были почти прямо над домом и услышали, как хлопнула дверь. На крылечке появилась мать Джоди и приветственно замахала фартуком. А потом они увидели Карла Тифлина, он шел к дому из конюшни, чтобы встретить гостя.

Солнце уже не освещало горы. Голубой дымок из трубы их дома плоскими слоями стлался над лощиной, которая постепенно окрашивалась багряным цветом. Клубочки облаков, оставленные в покое стихающим ветром, безмятежно висели в небе.

Из сарая вышел Билли Бак и выплеснул на землю мыльную воду из таза. Он только что побрился – хотя была середина недели, – потому что относился к дедушке с огромным почтением, а дедушка говорил: у Билли есть стержень, а среди нового поколения таких совсем мало. Билли уже изрядно пожил на свете, но дедушка все считал его молодым парнем. Билли тоже торопился к дому.

Когда Джоди и дедушка спустились, все трое встречали их перед воротами двора.

– Здравствуйте, сэр, – сказал Карл. – Мы вас заждались.

Миссис Тифлин поцеловала отца в заросшую щеку и позволила огромной ручище похлопать себя по плечу. Билли торжественно пожал руку старику, ухмыляясь под пшеничными усами.

– Я привяжу вашу лошадь, – сказал Билли и увел конягу за собой.

Дедушка посмотрел ему вслед, потом повернулся к остальным и сказал то, что говорил уже сотню раз:

– Вот это парень так парень! Я знал его отца, старого Бака – Хвостатого Мула. Уж не знаю, почему его звали Хвостатый Мул, разве оттого, что он был погонщиком мулов.

Миссис Тифлин пригласила отца в дом.

– Ты надолго? В письме не сказано.

– Не знаю, думал, побуду у вас пару недель. Но у меня никогда не выходит пробыть столько, сколько задумал.

Вскоре все сидели за покрытым белой клеенкой столом и ужинали. Над столом висела лампа с жестяным отражателем. За окнами столовой в стекло негромко стукались большие мотыльки.

Дедушка разрезал кусок мяса на маленькие кусочки и стал тщательно их жевать.

– Проголодался, – сказал он, – нагулял аппетит в дальней дороге. Как в старые времена, когда мы ехали на запад. К вечеру от голода желудки сводило, едва могли дождаться, когда изжарится мясо. Бывало, вечером я съедал фунтов пять буйволятины.

– В дороге так всегда, – вступил в разговор Билли. – Мой отец был погонщиком. Мальчонкой я помогал ему. Так мы вдвоем могли смести олений окорок.

– Я знал твоего отца, Билли, – сказал дедушка. – Такого человека еще поискать. Его звали Бак – Хвостатый Мул. Уж не знаю, почему, разве оттого, что он был погонщиком мулов.

– Точно, – согласился Билли. – Было такое дело.

Дедушка отложил нож с вилкой и оглядел стол.

– Помню, однажды у нас кончилось мясо... – голос вдруг стал чудной, низко-напевный, будто покатился по особому желобку, какой проточил для него не единожды рассказанный рассказ. – Ни буйвола тебе, ни антилопы, ни даже кроликов. Даже койота не могли подстрелить наши охотники. В такое время вожак должен быть начеку. Вожак был я, вот я и давай смотреть в оба, знаете, почему? Потому что едва начинается голод, люди готовы резать быков, которые их же и везут. Представляете? Да, были случаи, когда люди съедали свой тягловый скот. Начинали с середины каравана и постепенно подбирались к обоим концам. Напоследок съедали ведущую пару и коренных лошадей. Вот вожак и должен был их сдерживать.

Каким-то образом большому мотыльку удалось прорваться в комнату, он принялся кружить вокруг висячей керосиновой лампы. Билли встал и попробовал прихлопнуть его двумя руками. Карл, сложив ладонь чашечкой, поймал мотылька и раздавил. Подошел к окну и выбросил.

– Так вот я и говорю, – продолжил было дедушка, но Карл перебил его:

– Вы бы еще мяса поели. Мы-то уж готовы взяться за пудинг.

Джоди увидел, как в глазах матери сверкнул гнев. Дедушка поднял нож и вилку.

– Я и вправду здорово проголодался, – согласился он. – Доскажу попозже.

После ужина все уселись возле камина в соседней комнате, и Джоди не сводил глаз с дедушки. Вот они, знакомые признаки. Бородатое лицо склонилось вперед; из глаз исчезла строгость, они задумчиво смотрели в огонь; большие костистые пальцы сплелись на черных коленях.

– Уж не помню, – заговорил он, – уж не помню, рассказывал я вам или нет, как эти воруги-пауты угнали у нас тридцать пять лошадей.

– Кажется, рассказывали, – перебил его отец. – Это было перед тем, как вы поднялись к озеру Тахо?

Дедушка быстро повернулся к зятю.

– Верно. Выходит, вы уже про это слышали.

– И не однажды, – безжалостно подтвердил Карл, избегая глаз жены. Однако ее гневный взгляд он все равно почувствовал и потому добавил: – Но можно и еще раз послушать.

Дедушка снова посмотрел в огонь. Расплел и сплел пальцы. Джоди знал, каково ему сейчас, как внутри у него все оборвалось, заволокло пустотой. Разве не сегодня Джоди назвали шишкой на ровном месте? Что ж, придется проявить героизм и оправдать эту кличку.

– Расскажите про индейцев, – негромко попросил он.

Глаза дедушки снова построжали.

– Мальчишки любят слушать про индейцев. Индейцы... это была работа для мужчин, а слушать любят мальчишки. Сейчас что-нибудь вспомню. Я вам не рассказывал, как я хотел, чтобы в каждой повозке была длинная железная плита?

Все промолчали, кроме Джоди. Он ответил:

– Нет, не рассказывали.

– В общем, когда на нас нападали индейцы, мы всегда ставили повозки кругом, а сами отстреливались из-под колес. Вот я и придумал: если в каждой повозке держать длинную плиту с отверстиями для винтовок, люди выставят эти плиты за колеса – когда повозки станут кругом, – и будет надежная защита. Конечно, таскать за собой такую плиту радости мало, как-никак лишняя тяжесть, но ведь она тебе может жизнь спасти. Короче, никто из моего каравана на это не согласился. Другие как-то обходились, вот народ и решил, что им такое мученье тоже ни к чему. Потом пришлось здорово об этом пожалеть.

Джоди посмотрел на мать и по выражению ее лица понял – она совсем не слушает. Карл ковырял мозоль на большом пальце, а Билли Бак следил за пауком на стене.

Голос дедушки снова понизился, потек по проторенному для рассказов желобку. Джоди заранее знал, какие именно слова будут сказаны. Рассказ разворачивался с монотонным жужжаньем, становился более оживленным в момент нападения индейцев, звучал на грустной ноте, когда речь шла о раненых, наливался траурной печалью на похоронах среди великих равнин. Джоди сидел и молча внимал дедушке. Строгие голубые глаза старика смотрели как-то отстраненно. Могло показаться, что его самого не очень интересует собственный рассказ.

Когда он кончил говорить, когда была выдержана вежливая пауза, Билли Бак поднялся, размял ноги и поддернул штаны.

– Пожалуй, пора на боковую, – сказал он. Потом повернулся к дедушке. – У меня в сарае есть старый пороховой рог и капсюльный пистолет. Я вам их раньше показывал?

Дедушка медленно кивнул.

– Да, Билли, по-моему, показывал. У меня был пистолет вроде этого, когда я вел людей на запад. – Билли вежливо выслушал эту короткую тираду, потом сказал:

– Спокойной ночи, – и вышел из дому.

Карл Тифлин попытался завязать разговор.

– А что, как сейчас земля между Монтереем и нашими краями? Я слышал, сильно высохла?

– Высохла, – подтвердил дедушка. – В Лагуна-Секани капли воды. Но с восемьдесят первым годом не сравнить. Тогда вся земля иссохлась в пыль, а в шестьдесят первом все койоты вообще подошли с голоду. В этом году осадков у нас выпало пятнадцать дюймов.

– Да, но все дожди прошли слишком рано. Сейчас дождик не помешал бы. – Глаза Карла натолкнулись на Джоди. – Не пора ли тебе спать?

Джоди послушно поднялся.

– А можно, я убью мышей под старой скирдой?

– Мышей? А-а! Конечно, хоть всех до единой. Билли сказал, хорошего сена там уже не осталось.

Джоди украдкой бросил довольный взгляд на дедушку.

– Завтра всех перебью, – сказал он.

Лежа в постели, Джоди размышлял о невероятном мире индейцев и бизонов, мире, исчезнувшем навсегда. Вот бы пожить в то героическое время! Но Джоди знал – он скроен не на героический манер. Из живущих сегодня, кроме разве Билли Бака, едва ли кто способен на подвиги былых времен. Тогда на земле жили гиганты, бесстрашные люди, люди несгибаемой воли, какую теперь и не встретишь. Джоди подумал о бескрайних равнинах, о повозках, ползущих по ним многоножкой с востока на запад. Представил дедушку на огромной белой лошади, как он ведет за собой людей. Перед его мысленным взором промаршировали великие призраки – и исчезли с лица земли.

Тут он на мгновение снова очутился на ранчо. В пространстве и тишине возник какой-то неясный отрывистый звук. Это одна из собак, выбравшись из конуры, вычесывала блоху и с каждым движением стучала лапой об землю. Потом снова поднялся ветер, застонал черный кипарис, и Джоди заснул.

Поднялся он за полчаса до завтрака. Когда Джоди проходил через кухню, мать громыхала печной заслонкой, чтобы лучше разгорелось пламя.

– Ты сегодня рано, – сказала она. – Куда собрался?

– Хорошую палку хочу поискать. Будем сегодня убивать мышей.

– Будем?

– Дедушка и я.

– И его втравил в это дело. Любишь, чтобы не с тебя одного был спрос, если придется

отвечать.

– Я скоро назад, – сказал Джоди, – хочу до завтрака обзавестись хорошей палкой.

Закрыв за собой дверь с металлической сеткой, он вышел в холодное голубое утро. Галдели птицы, как обычно на рассвете, четыре местные кошки змеями сползли с холма. В темноте они охотились на мешетчатых крыс, и хотя кошки насытились крысиным мясом, они сидели полукругом у задней двери и жалобно мяукали, требуя молока. Бой и Молодец бродили вдоль живой изгороди и обнюхивали ее, исполняя свой долг торжественно и чинно, но стоило Джоди свистнуть, как головы их дернулись, хвосты взметнулись. Они кинулись к нему, на бегу потягиваясь и позевывая. Джоди с важным видом потрепал по голове одного пса, потом другого и пошел к старой мусорной свалке. Из кучи он выбрал палку от бывшей швабры и короткий дюймовой толщины обломок дерева. Достав из кармана шнурок, он подвязал обломок к палке, и получилось нечто вроде цепа. Он рассек своим новым орудием воздух и для пробы шмякнул им о землю, а собаки отпрыгнули в сторону и взвыли от испуга.

Джоди мимо дома пошел к месту, где когда-то стояла скирда, – окинуть взором предстоящее поле битвы, – но его позвал Билли Бак, спокойно сидевший на ступеньках у задней двери.

– Лучше иди в дом. Через пару минут завтрак.

Джоди изменил маршрут и повернул к дому. Приставил свой цеп к ступенькам.

– Это чтобы мышей выгонять, – пояснил он. – Небось отъелись под сеном. И ведасть не ведают, что их сегодня ждет.

– Не ведают, как и ты не ведаешь, – философски заметил Билли, – и я, и любой из нас.

Эта мысль ошеломила Джоди. Он понял, что так оно и есть. Мышиную охоту будто ветром выдуло из головы. Тут на заднее крылечко вышла мама, ударила в треугольник, и все мысли окончательно перемешались.

За столом собрались все, кроме дедушки. Билли кивнул на пустой стул.

– Где он? Не заболел ли?

– Он всегда долго одевается, – сказала миссис Тифлин. – Расчесывает бакенбарды, драит ботинки, чистит одежду.

Карл посыпал кашу сахарным песком.

– Человек, который вел через всю страну караван повозок, должен следить за своим внешним видом.

Миссис Тифлин повернулась к нему.

– Не надо, Карл! Прошу тебя, не надо!

В голосе ее звучала не столько просьба, сколько угроза. И угроза эта пришлась Карлу не по нраву.

– Как думаешь, сколько раз я должен выслушивать историю про железные плиты и тридцать пять лошадей? Те времена давно ушли. Ушли и нету, не пора ли ему о них забыть? – Голос его звучал все громче, он все больше сердился. – Сколько можно петь старую песню? Да, он прошел через всю страну. Прекрасно! Но с этим покончено! Никто не хочет больше об этом слушать.

Дверь в кухню тихонько закрылась. Четверо за столом замерли. Карл положил ложку перед собой и затеребил пальцами подбородок.

Тут кухонная дверь открылась, и вошел дедушка. Плотные сжатые губы его улыбались, глаза смотрели с прищуром.

– Доброе утро, – сказал он, сел за стол и посмотрел на свою тарелку с кашей.

Карлу требовалась полная ясность.

– Вы... вы слышали, что я сказал?

Дедушка едва заметно кивнул.

– Не знаю, сэр, что на меня нашло, я ничего такого не имел в виду. Просто языком молол.

Джоди, сгорая от стыда, взглянул на мать и увидел, что она смотрит на Карла ни жива ни мертва. Он совершал над собой нечто ужасное. Говоря такое, он подвергал себя жутким мукам. Брать свои слова обратно – это было противно его природе, но куда хуже брать их назад пристыженным.

Дедушка отвел глаза в сторону.

– Я пытаюсь разобраться, что к чему, – мягко ответил он. – И на тебя не сержусь. То, что ты сказал – не страшно. Страшно другое – вдруг это правда?

– Неправда это, – возразил Карл. – Просто я с утра что-то не в себе. Вот и ляпнул, не подумав. Извините.

– Не надо извиняться. Карл. Старики иногда не понимают, как оно есть на самом деле. Может, ты и прав. Переход с востока на запад окончен. Дело сделано, может, о нем и вправду пора забыть.

Карл поднялся из-за стола.

– Я уже наелся. Время работать. Билли, не расслабляйся!

Он быстро вышел из столовой. Билли покидал в себя все, что оставалось на тарелке, и поспешил за хозяином. Но Джоди никакая сила не могла оторвать от стула.

– А вы еще будете рассказывать свои истории? – спросил Джоди.

– Буду, конечно, если только... если только найдутся желающие их слушать.

– Я желающий, сэр.

– О-о! Ты-то конечно, но ведь ты мальчишка. Это была работа для мужчин, а слушать о ней любят только мальчишки.

Джоди все-таки поднялся со стула.

– Подожду вас во дворе, сэр. У меня есть хорошая палка для этих мышей.

Он подождал у ворот, и вскоре старик появился на крылечке.

– Пошли охотиться, – позвал Джоди.

– Пожалуй, Джоди, я посижу на солнышке. А ты убивай мышей сам.

– Хотите, дам вам мою палку?

– Нет, я лучше здесь немного посижу.

Джоди огорченно отвернулся и побрел к остаткам скирды. Чтобы как-то взбодриться, он стал думать о жирных и упитанных мышах. Принялся стучать по земле своим цепом. Собаки вились вокруг него, льстиво повизгивали, но что-то его останавливало. Он видел издали – дедушка все сидит на крылечке, какой-то маленький, усохший, почерневший.

Махнув на охоту рукой, Джоди вернулся к дому и сел на ступеньку возле дедушкиных ног.

– Уже вернулся? Убил мышей?

– Нет, сэр, как-нибудь в другой раз.

Утренние мухи жужжали над землей, перед ступеньками сновали муравьи. Со стороны холмов тянуло тяжелым запахом полыни. Доски, из которых было сколочено крыльцо, разогрелись на солнце.

Джоди даже вздрогнул, когда дедушка заговорил.

– Незачем мне здесь оставаться, если такое на душе. – Он посмотрел на свои крепкие натруженные руки. – А на душе у меня вот что: идти на запад и вовсе не стоило. – Взгляд его, скользя по склону холма, остановился на ястребе, что недвижно сидел на высохшей ветке дерева. – Я рассказываю эти старые истории, а ведь поделиться хочется другим. Я знаю, какие струны хочу затронуть в людских душах этими рассказами.

Дело было не в индейцах, не в приключениях, даже не в том, чтобы добраться сюда. Понимаешь, все переселенцы стали будто один ползущий зверь. И я был его головой. Он все полз и полз на запад. У каждого переселенца были свои потребности, но большой зверь – все они вместе взятые – хотел только одного: на запад. Я был вожаком, но не будь меня, головой стал бы кто-то другой. Обезглавленный зверь далеко не уползет.

Представляешь, день раскален добела, под кустиками гнездятся черные тени. Увидели мы наконец горы и заплакали – все до одного, но главное было не в том, чтобы попасть сюда, важнее было само движение, путь на запад.

Мы принесли сюда жизнь, как муравьи несут личинки, принесли и опустили на эту землю. И я был вожаком. Это был великий поход, великий, как сам господь, мы двигались медленно, но шаги наши складывались и плюсовались, и вот мы пересекли весь континент.

А потом мы пришли к океану, и поход был окончен.

Он умолк и стал тереть глаза, пока они не покраснели у краев.

– Вот что я должен рассказывать вместо своих историй.

Когда Джоди заговорил, дедушка даже вздрогнул, так был поглощен своими думами.

– Может, и я когда-нибудь поведу за собой людей, – сказал Джоди.

Старик улыбнулся.

– Вести-то некуда. Дорогу перекрыл океан. На берегу живут несколько стариков, они ненавидят океан, потому что он перекрыл им дорогу.

– А если я поведу людей на лодках, сэр?

– Некуда их вести, Джоди. Все места уже заняты. Но не это самое худшее – нет, не это. Движение на запад умерло из-за людей. Запад их больше не манит. С этим покончено. Твой отец прав. Все в прошлом. – Он сплел пальцы на колене и посмотрел на них.

Печаль сковала сердце Джоди.

– Давайте я принесу вам лимонад.

Дедушке пить не хотелось, но он увидел лицо Джоди.

– Что ж, с удовольствием, – ответил он. – От лимонада не откажусь.

Джоди вбежал в кухню – мама вытирала посуду после завтрака.

– Можно лимон, хочу сделать дедушке стакан лимонада?

– И еще один, – договорила за него мама, – сделать стакан лимонада для тебя.

– Нет, мама. Мне не надо.

– Джоди! Да ты заболел! – Она вдруг смолкла. – Возьми лимон в холодильнике, – добавила она мягко. – Погоди, сейчас дам тебе соковыжималку.